

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС В ГОВОРАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Говоры русского Севера предоставляют возможность документально проследить, причем с большой степенью точности, развитие во времени и распространение по территории значительного числа конкретных языковых явлений в лексике. По отношению к севернорусской языковой области можно ставить вопрос об изучении отдельных групп говоров и воссоздании в самом общем виде истории лингвистического ландшафта этой обширной территории.

Необходимой предпосылкой такого рода исследований, кроме данных широкого лингвогеографического обследования современных говоров, является наличие точно локализованных и датированных памятников письменности, относящихся к разному времени и к различным районам рассматриваемой территории. При анализе лексики обязательно единообразие памятников по содержанию. В этом отношении удобно использовать памятники деловой письменности. Хотя круг лексики в деловых документах ограничен словами с предметными значениями, словами, входящими в небольшое число «тематических групп», но этот недостаток становится достоинством при сравнительной работе с текстами. Написанные монахами в провинциальных обителях, дьячками местных церквей, посадскими людьми и крестьянами, памятники деловой письменности в значительной мере отражают живую речь местного населения. Поэтому использование их в трудах по истории русских диалектов имеет давнюю традицию.

Основной методический прием историко-диалектологического исследования — последовательное сопоставление разновременных фактов с возможно более точной локализацией их в языковом пространстве. Движение новообразований по территории, языковое смещение¹ представляется тогда следствием контактов конкретных языковых коллективов, занимающих в тот или иной момент времени определенное языковое пространство. Мысль об органической связи в исторической диалектологии географиче-

¹ Под языковым смещением я понимаю не только смещение разных языков, но и смещение диалектов одного языка. См.: Hugo Schuchardt. Sprachverwandschaft. — «Sitzungsber. der Preuss. Akad. d. Wiss.», Bd XXXVII. Berlin, 1917, стр. 522.

ского и исторического методов исследования была высказана А. А. Шахматовым: «Диалектология изучает взаимные отношения сложившихся в пределах того или иного языка говоров, характеризует особенности этих говоров, анализирует их, если это возможно, с точки зрения их диалектного же происхождения. Таким образом, в изучение диалектологии необходимо вводится историко-сравнительный элемент»².

Лингвогеографическое обследование лексики современных говоров Архангельской области³ показало, что многие слова имеют ограниченное распространение в пределах рассматриваемой территории, по целому ряду явлений одни районы области отчетливо противопоставляются другим районам (см. карты). При всем своеобразии в конфигурации отдельных лексических изоглосс (собственно словарных, а также полученных в результате картографирования лексикализованных фонетических и морфологических явлений⁴) выделяется некоторое количество пучков изоглосс, отграничивающих довольно четкие изоглоссные зоны. Так, на многих картах бассейн Онеги противопоставляется всей остальной территории, на части карт окраинные районы области (запад и восток: бассейны Онеги, Пинеги, Мезени, Кулоя) противопоставляются центру (бассейны Двины и Ваги). Имеются и другие противопоставления.

Современный языковой ландшафт северной России является продуктом целого ряда эпох от начала заселения этих мест русскими (XI—XII вв.) до наших дней; поэтому часть представленных здесь языковых границ отражают, по-видимому, глубину проникновения первоначальных и позднейших колонизационных потоков (новгородская колонизация и ростово-суздальская), часть изоглосс представляют собою следствие «языковой иррадиации», сопровождающей внешние культурные влияния⁵, особо выделяются изоглоссы местных новообразований и архаизмов, сохранившихся на ограниченной части территории. При рассмотрении истории указанных типов изоглосс следует также учитывать

² А. А. Шахматов. Историческая диалектология русского языка. (Рукопись.) Цит. по: Б. А. Ларин. Историческая диалектология в курсе акад. Шахматова и наши современные задачи. — «Очерки истории языка». Уч. зап. ЛГУ, № 267. Серия филол. наук, вып. 52. Л., 1960, стр. 13.

³ Использована картотека Архангельского областного словаря кафедр русского языка МГУ и Архангельского педагогического института.

⁴ О классификации диалектных различий в лексике см.: Л. П. Жуковская. Типы лексических различий в диалектах русского языка. — ВЯ 1957, № 3.

⁵ А. Бах указывал, что «при истолковании географического распространения языковых форм в большинстве случаев приходится исходить отнюдь не из миграции носителей этих форм, хотя и этот факт приходится иногда учитывать. . . Во всяком случае наряду с миграцией носителей культуры существует миграция культурных ценностей» («Немецкая диалектография». М., 1955, стр. 141).

возможность действия процессов «вытеснения форм», следствием чего является сужение первоначальных ареалов ⁶.

Для исторической интерпретации данных современных лингвистических карт важно определить возраст хотя бы некоторого количества изоглосс из того или иного пучка, а также возраст отдельных изоглосс, не входящих в пучки. Это откроет путь к объяснению причин возникновения важнейших языковых границ, языковых и культурных связей населения в прошлом. Введение материалов из локализованных памятников письменности дает возможность не только проследить внутреннюю историю различных явлений в лексике (семантическое развитие, появление новых и выход из употребления старых слов), но и восстановить территориальное распространение в прошлом значительного числа фактов. В этой работе я использую памятники деловой письменности, распределяющиеся количественно по времени и по территории следующим образом ⁷:

	Вага	Устье Двины	Пинега и Мезень	Западное Поморье, Соловки	Онега (Каргополь)
XV в.	—	135	—	—	—
XVI в.	27	393	5	48	12
XVII в.	434	351	37	28	96

Последовательное хронологическое и территориальное расчленение всей совокупности текстов делает исторические материалы сопоставимыми с данными современных говоров. Следует оговориться при этом, что сам факт фиксации, а тем более отсутствие слова в той или иной территориальной группе памятников еще не

⁶ Курт Вагнер. Немецкие языковые ландшафты. — Там же, стр. 67—68.

⁷ Из опубликованных документов для сплошной выборки привлечены: А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. II. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3. СПб., 1903; И. М. Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 5. СПб., 1909; Акты Холмогорской епархии. — РИБ, т. 12. СПб., 1890 и т. 14. СПб., 1894; Акты Лодомской церкви. — РИБ, т. 25, приложения. СПб., 1908; из неопубликованных: документы Государственного архива Архангельской области (ГААО) — фонды Михайло-Архангельского, Николо-Корельского, Сийского, Богословского Важского, Черногорского Пинежского, Каргопольского монастырей, Канцелярии Владычего наместника Новгородской архиепископии; документы Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) — фонд Соловецкого монастыря.

говорит о том, употреблялось оно в соответствующих говорах или нет: некоторые писцы могли быть не местными, могло сказываться также влияние традиции, центра и т. п. Кроме того, слово может не встретиться в текстах из-за отсутствия ситуации для его употребления, наконец, просто случайно. Поэтому показания письменных памятников могут быть использованы лишь для подтверждения, для проверки данных, полученных при изучении современных говоров ⁸.

Однако часто показания письменных памятников приобретают большую доказательную силу. В особенности это относится к случаям совпадения территории распространения лексического явления в прошлом и в современных говорах. Простой тому пример — сравнение карты (рис. 1) со следующей таблицей, показывающей количество документов XVII в., в которых зафиксированы названия кочерги ⁹:

	Вага	Двина и Поморье	Онега (Каргополь)
<i>крюк</i>	—	3	3
<i>полукрюче</i>	—	1	3
<i>клюка</i>	4	—	—

Во всех примерах — «*крюк* печной», «*полукрюче* печное» ¹⁰; эти термины, как и слово *клюка* ¹¹, отмечены в отводных грамотах, переписных книгах, росписях кузнечных работ.

По данным картотеки ДРС, слово *крюк* в значении 'кочерга' встречается также в двинских и онежских документах XVI—XVII вв. ¹², в актах Свирского монастыря (1658 и 1674 гг., рукописи); слово *клюка* в том же значении — в ярославских писцовых

⁸ В. В. Виноградов подчеркивал необходимость основывать методику историко-диалектологического исследования на анализе данных живых говоров («Исследования в области фонетики севернорусского наречия». — ИОРЯС XXIV, 1, 1922, стр. 155—156).

⁹ Здесь и далее указывается не количество фиксаций, а число документов, т. е. практически число писцов, употреблявших указанные формы. ¹⁰ ГААО, ф. 56, оп. 3, № 17, л. 5, 7 (1651 г.); ф. 792, оп. 1, № 52 (1622 г.), 168 (1630 г.), 243-1 (1687 г.); РИБ, т. 14, стб. 480 (1690 г.); т. 25, приложения, стб. 217 (1644 г.).

¹¹ ГААО, ф. 829, оп. 1, № 743 (1661 г.), 886 (1680 г.), 1101-а (1680 г.); РИБ, т. 14, стб. 714 (1631 г.).

¹² «Сборник грамот Коллегии экономии», т. I. Пг., 1922, стб. 284 (1586 г.); приходо-расходная книга Онежского монастыря (устье р. Онеги) за 1661 г.

Рис. 1. Диалектные названия кочерги

1 — крюк; 2 — клюка

книгах XVII в.¹³, в расходной книге г. Хлынова Ивана Репина за 1678—1680 гг.¹⁴, в таможенной книге г. Сольвычегодска за 1677 г.¹⁵, в документе из г. Клина¹⁶.

¹³ «Труды Ярославской ученой арх. комиссии», кн. VI, вып. 3—4. Ярославль, 1913, стр. 192.

¹⁴ «Труды Вятской ученой арх. комиссии за 1905 г.» Вятка, 1906, стр. 48.

¹⁵ «Таможенные книги Московского государства XVII в.», т. III. М.—Л., 1951, стр. 420.

¹⁶ «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. III. СПб., 1884, стр. 187 (1667—1668 гг.).

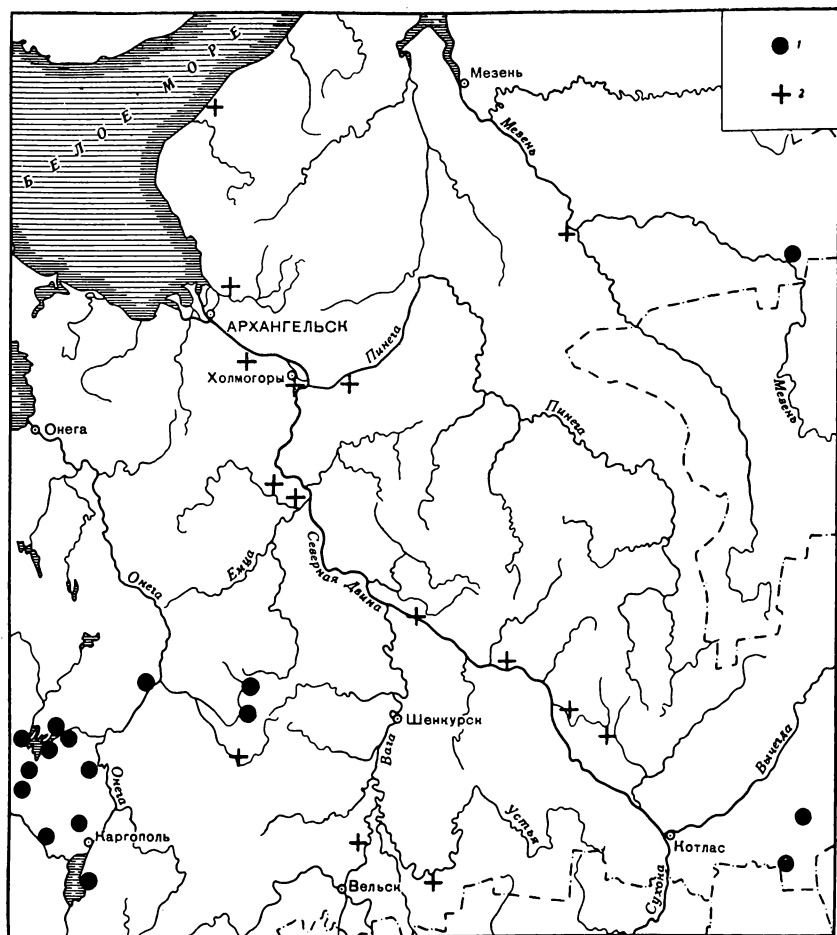

Рис. 2. Распространение слова *малёг*

1 — *малёг* 'низкорослый нестройной лес'; 2 — слово отсутствует

По словарям и записям XIX—начала XX в. *кряк* в значении 'кочерга' отмечен в тверских и новгородских говорах (Людейнопольский округ, Белозерский, Повенецкий, Тихвинский, Валдайский, Вышневолоцкий уезды), в Кемском у., в Оятском р-не Калининской обл.¹⁷; к слову *кляка* 'кочерга' В. Даль дает помету «вост.»¹⁸ Таким образом, четкое пространственное противопоставление прослеживается и при выходе за пределы рассматриваемой территории.

¹⁷ Картотека Словарного сектора ИРЯ АН СССР.

¹⁸ Даль II, стр. 122; Мельниченко, стр. 88.

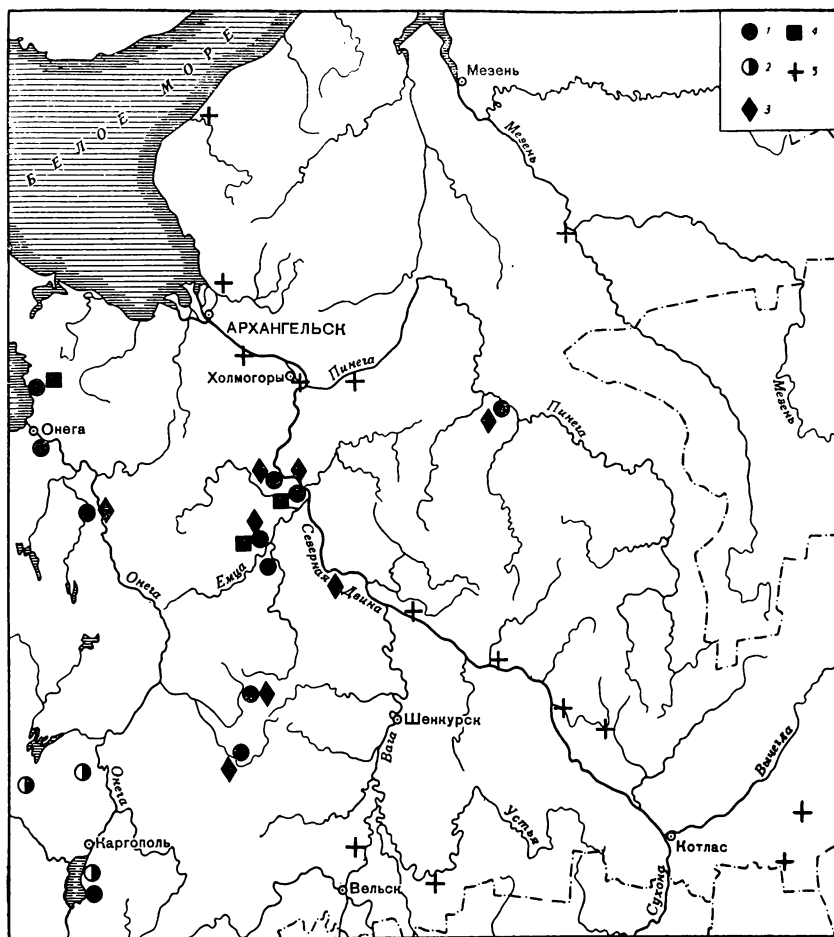

Рис. 3. Распространение слова *кодол* и производных

1 — *кодол* 'веревка, привязь'; 2 — *кодол* 'прикрепляемая к колодезному журавлю жердь, на которой подвешено ведро'; 3 — *кодолить* 'привязывать, держать на привязи животное'; 4 — *кодолнице* 'место, где пасется привязанное животное'; 5 — слова отсутствуют

Далее, целый ряд слов, встретившихся только в каргопольских документах XVI—XVII вв., имеет ограниченную территорию распространения и в современных говорах, например:

малег [совр. *малёг*] 'низкорослый нестройной лес'. Отмечено в грамотах 1668 и 1676 гг.¹⁹; см. рис. 2; из известных словарей в Дополнении к Опыту дано с пометой «каргоп.»²⁰; встречается у А. П. Чапыгина²¹ (родом из быв. Каргопольского у.);

¹⁹ ГААО, ф. 792, оп. 1, № 162, 201-2.

²⁰ Дополнение к Опыту, стр. 109.

²¹ А. Чапыгин. Собрание сочинений, т. 3. М.—Л., 1928, стр. 336.

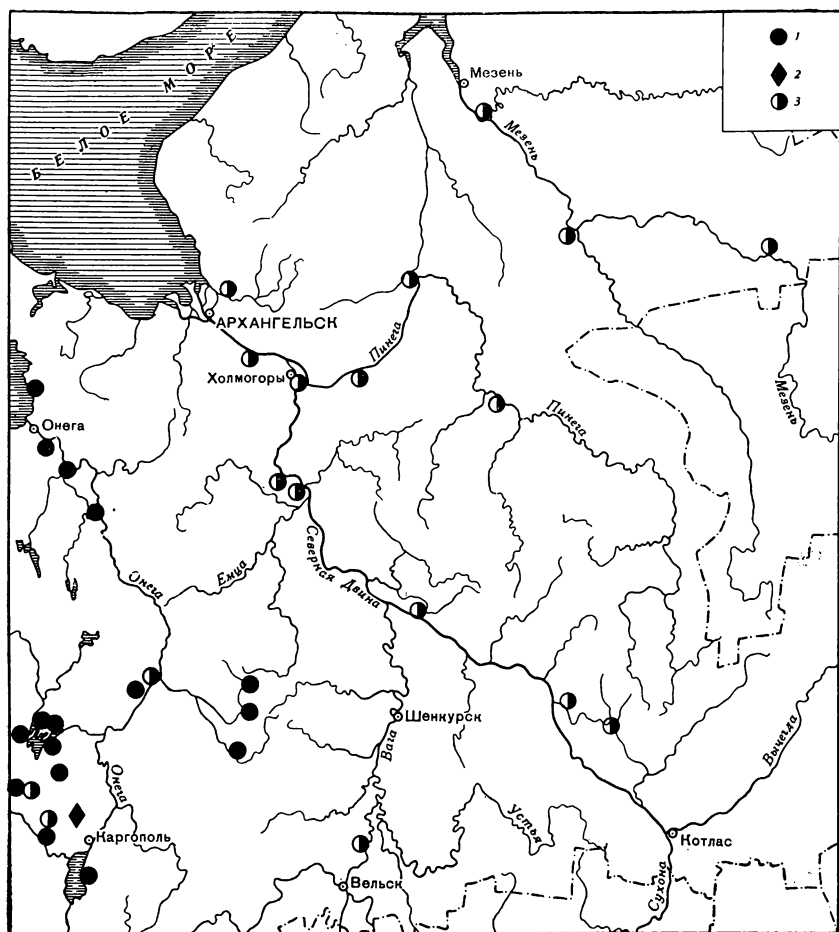

Рис. 4. Названия угля в передней части русской печи, за устьем, для сгребания углей

1 — жараток; 2 — жаратник; 3 — загнета

кодол [кодбл] 'веревка, канат; привязь'. «Кодол чем плоты принимают» (Отводная 1622 г.)²². На рис. 3 показано распространение слова *кодбл* (в двух значениях) и производных (*кодблить*, *кодблщце*) в современных говорах. По картотеке ДРС, слово *кодол* встречается также в документах Онежского монастыря XVI—XVII вв., в некоторых олонечских памятниках XVII в.; глагол *кодолить* — в «книге мирского старосты» за 1704 г. (архив Онежского монастыря): «веревка пенковая новая на чем почтовых

²² ГААО, ф. 792, оп. 1, № 52; то же, № 168 (Опись имущества, ок. 1630 г.).

лошадей кодолить». В значении 'якорный канат' слово *кодбл* известно в ильменских говорах²³, в псковских (Великолукский р-н) — 'веревка, за которую тянут невод', то же в Торопецком р-не Калининской обл.²⁴;

жараток, жаратник [*жарáток, жарáтник*]. Встречающиеся в каргопольских документах XVII в., эти слова и в современных говорах распространены на западе области, составляя противопоставленное диалектное различие со словом *загнѣта* (см. рис. 4) — последнее в памятниках не отмечено. Слова *жарáток, жарáтник* и *загнѣта* имеют значение 'угол в передней части русской печи, за устьем, куда сгребают угли после сгорания дров': «Угольѣ выгребáли в *жарáток*» (Волосово Приозерного р-на); «*Жарáтник, тудá угольѣ грабим*» (Хотеново Каргопольского р-на); «Тúт и бúдет *загнѣта, в úсье*» (Прилуки Холмогорского района). В XVII в. словами *жараток, жаратник* обозначалась часть отапливаемой по-черному печи, где разводили огонь, или сами горящие угли, жар (?), именно здесь на цепи подвешивали посуду (?): «две цепочки железные над *жаратком* да у рукомоиника»²⁵; «две чипи одна надъ *жаратником* другая у рукомоики»²⁶. Ср. в документе из архива Онежского монастыря: «В келарской. . . 7 окончин все ветхи да крюк надъ *жаратком* варчей» (1669 г.)²⁷. Отмечено также в «Книге зовоймй земледетельная. . .» (переведена в Новгороде в 1705 г., рукопись)²⁸. По-видимому, мы имеем дело с изменением значения, связанным с развитием самой реалии (русской печи в ее современном виде). Отмеченное на карте территориальное противопоставление в том виде, в каком мы наблюдаем в современных говорах (*жарáток, жарáтник — загнѣта*, в указанном значении), возникает поздно, но весьма вероятно существование самой изоглоссы по крайней мере в XVII в.

Слово *жарáток* в указанном для архангельских говоров значении известно также в новгородских, вологодских, олонецких, тверских говорах²⁹, отмечено в словаре 1847 г.³⁰ и в более поздних словарях.

Анализ данных памятников более раннего периода, даже при отсутствии документов, написанных во всех центрах письменности,

²³ В. И. Чагищев. Говоры восточного побережья озера Ильмень. Канд. дисс. (Рукопись.) Л., 1949, стр. 335.

²⁴ Картотека Псковского областного словаря Словарного кабинета ЛГУ.

²⁵ ГАО, ф. 792, оп. 1, № 243-2 (Отводная 1686 г.).

²⁶ Там же, № 243-1 (Отводная 1687 г.).

²⁷ Картотека ДРС.

²⁸ Там же.

²⁹ Картотека Словарного сектора ИРЯ АН СССР.

³⁰ «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. I. СПб., 1847, стр. 399.

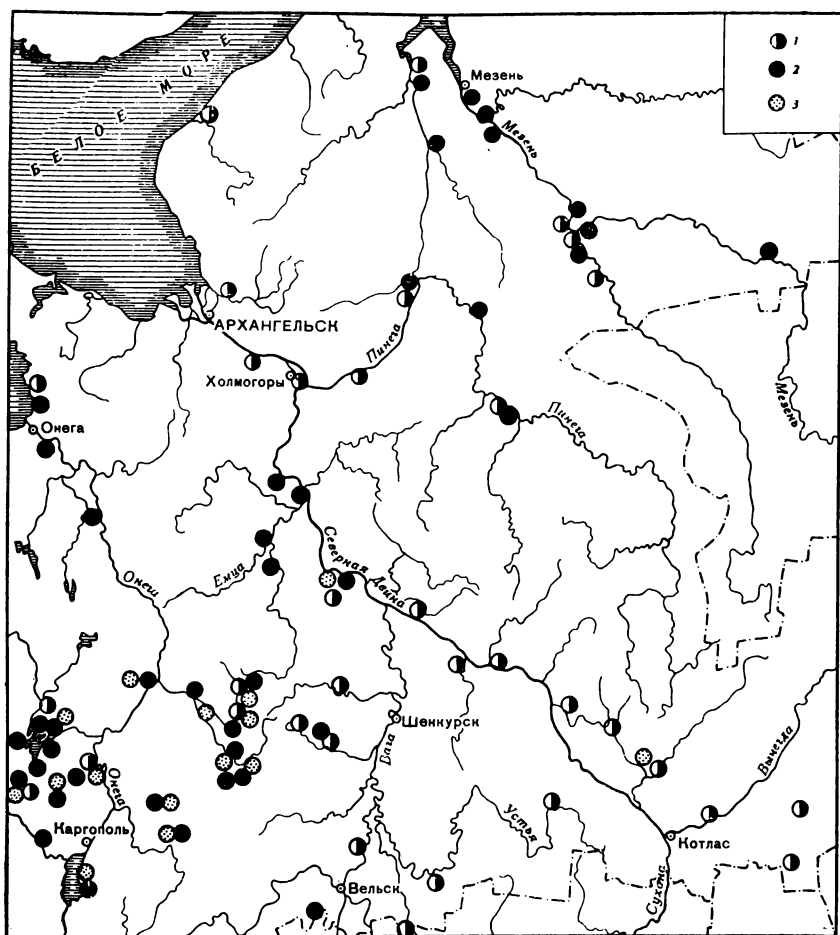

Рис. 5. Названия изгороди из жердей

1 — огород; 2 — огорода; 3 — огорodb

позволяет проецировать некоторые современные изоглоссы на говоры XV в. Показательно в этом отношении сравнение карты (рис. 5), на которой довольно отчетливо противопоставляются двинские и важские говоры (*огорбд*) онежским, пинежским и мезенским (*огорбда*, на западе еще *огорбдь*), с показаниями письменных памятников. Число документов, в которых зафиксированы термины *огород* и *огорода*, указано в таблице (примеры, в которых по форме нельзя определить род — местный п. ед. числа, именительный п. мн. числа, — не учтены):

	Вага	Двина и Поморье			Пинега и Мезень	Онега (Каргополь)	
	XVII в.	XV в.	XVI в.	XVII в.	XVII в.	XVI в.	XVII в.
<i>огород</i>	9	7	11	8	—	—	1
<i>огорода</i>	—	—	1	—	2	1	3

Отчетливо прослеживаемое на протяжении XVI—XVII вв. территориальное противопоставление по формам *огород* — *огорода* и фиксация в двинских грамотах XV в. именно формы *огород*³¹ позволяют предположить наличие данной изоглоссы уже для XV в.

Из слов, которым посвящена карта 6, термин *закол* встретился лишь в приходо-расходной книге Соловецкого монастыря за 1641 г.³² По памятникам XVI—XVII вв. (Картотека ДРС) известны *заколы* на речках Аржеме³³ и Курженице³⁴ (низовья Двины), Шидровской речке³⁵ (Онежский полуостров), на Выге³⁶ (Карелия), *заколы для ряпухи* под Невским монастырем³⁷. Распространено это слово в новгородских, олонецких, псковских, тверских говорах³⁸; В. Даль приводит его без помет³⁹.

Термин *забор*, имеющий в современных говорах четкую изоглоссу, зарегистрирован в документах, написанных в устье Двины (XVI в.)⁴⁰ и в западной части Поморья (соловецкие рукописи XVII в.)⁴¹. Здесь же *заборщик* 'рыбак, наблюдающий за

³¹ А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. II. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3, № 21, 22, 23, 30, 72; И. М. Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 5, № 124, 132.

³² ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 41, л. 77 об.

³³ «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. II. СПб., 1864, стр. 252.

³⁴ «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. III. СПб., 1841, стр. 247—248.

³⁵ Архив Строева, т. I. — РИБ, т. 32. Пг., 1915, стр. 482.

³⁶ Там же, стр. 540.

³⁷ С. А. Порошин. Записки служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престолу Российского. Изд. 2. СПб., 1881, стр. 388 (XVIII в.).

³⁸ Картотеки Словарного сектора ИРЯ АН СССР и Псковского областного словаря ЛГУ; В. И. Чагишева. Указ. соч., стр. 332.

³⁹ Даль I, стр. 605.

⁴⁰ ГАОО, ф. 191, оп. 3, № 2 (1539 г.); ф. 1408, оп. 1, № 1 (1510 г.), 11 (1570 г.).

⁴¹ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 15, л. 82, 117 (1616—1617 гг.); № 32, л. 4 (1635 г.); № 41, л. 58, 66 об., 77 об. (1639—1641 гг.); № 45, л. 22 об., 23 об. (1644 г.); оп. 4, № 7 (1615—1618 гг.).

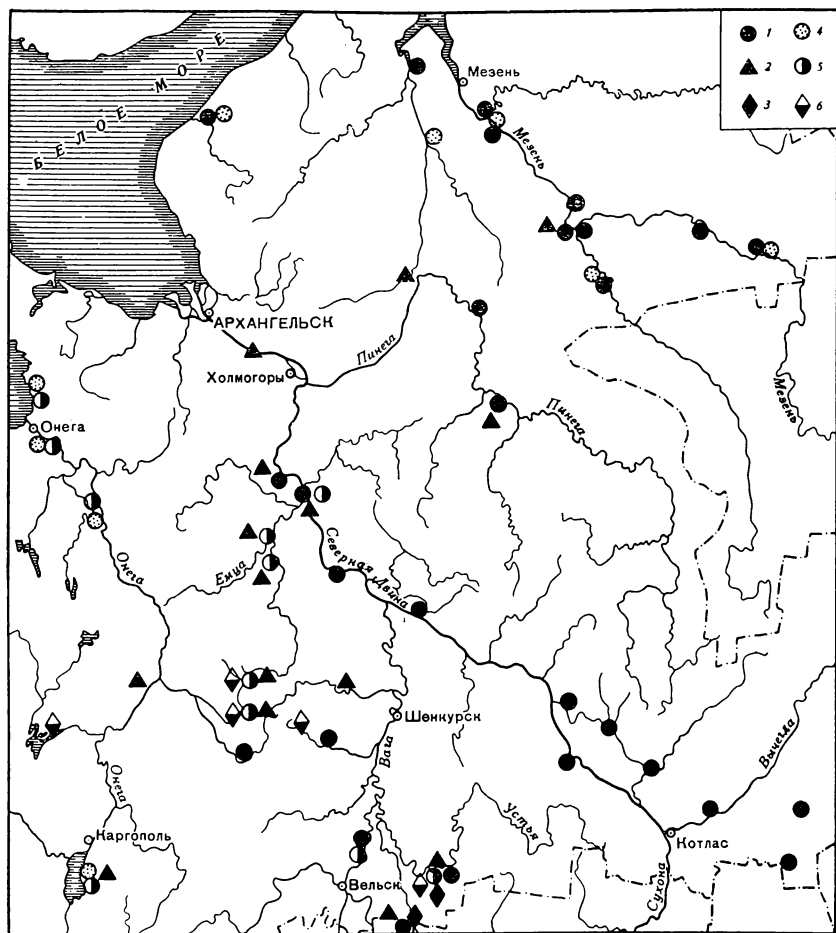

Рис. 6. Названия перегородки из кольев и прутьев в реке или ручье для установки ловушек

1 — ез; 2 — заезок; 3 — заез; 4 — забор; 5 — закол; 6 — заколок

ловушками в заборе⁴², прилагательное *заборный*: «послан старец Варсоноей Рогуев в Кереть на *забор* на рыбную ловлю. дано ему денег на расход для заборног дѣла 4 рубли»⁴³. В примерах картотеки ДРС из рукописей XVI—XVII вв. упоминаются *заборы* на реках Кемы, Коле, Нюхче, Варзуге и других реках Беломорского бассейна (Кольский и Двинской уезды), Мсте (приходная книга Иверского монастыря за 1663 г.), в купчей

⁴² ЦГАДА, ф. 1201, оп. 4, № 7.

⁴³ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 15, л. 83.

1578 г. Кирилло-Белозерского монастыря⁴⁴. В приходо-расходной книге Тихвинского монастыря за 1590—1592 гг. *забор* — ‘мельничная плотина’: «Дано наиму на день 2 члвком на мельницы в забор камен валили дано 2 алтна 3 московки»⁴⁵. В значении ‘мельничная плотина’ это слово отмечено в современных шенкурских говорах (дер. Верхопаденьга)⁴⁶.

Слово *ез* и производные от него (*езище, езовище, езовая ловля*) употребляются в двинских грамотах XV—XVI вв.⁴⁷, довольно часто встречаются они и в важских грамотах XVI—XVII вв.⁴⁸ Таким образом, и по отношению к этой группе слов также допустимо предположение о существовании уже в XV в. определенных территориальных противопоставлений в пределах рассматриваемой территории. И в то время как термины *забор, закол* распространены в северо-западных говорах (XVI—XX вв.), слово *ез* (а также *заез, заезок*) связывает двинские и важские говоры уже с XV в. с говорами северо-востока Руси. В документах XV—XVII вв. упоминаются *езы* на Волге⁴⁹, Оке⁵⁰, Каме⁵¹, Суре⁵², Сухоне⁵³, Уге (Юге)⁵⁴, Шексне⁵⁵ и многих других реках севера и центра России, Сибири (до Туры и Анадыря). Из новгородских и псковских памятников слово *ез* употребляется в IV Новгородской летописи и в писцовых книгах XVI в.⁵⁶, в московских документах этот термин встречается с XV в. очень часто⁵⁷. Словари и записи

⁴⁴ Архив Строева, т. 1. — РИБ, т. 32. Пг., 1915, стр. 552.

⁴⁵ Картотека ДРС.

⁴⁶ Картотека Архангельского областного словаря.

⁴⁷ А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. II. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3, № 19, 20, 56; И. М. Сибирцев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 5, № 121; ГААО, ф. 191, оп. 3, № 14 (1589 г.); РИБ, т. 14, стб. 45 (1550 г.).

⁴⁸ ГААО, ф. 829, оп. 1, № 1 (1545 г.), 955 (1602 г.), 730 (1618 г.), 848 (1653 г.), 1155 (1688 г.); РИБ, т. 14, стб. 752 (1648 г.).

⁴⁹ «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук», т. III. СПб., 1836, стр. 141.

⁵⁰ Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, стр. 163 (1529 г.).

⁵¹ «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Дополнения», т. XI. СПб., 1869, стр. 101 (1629—1639 гг.).

⁵² «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.», ч. I. М., 1951, стр. 205 сл. (XV в.).

⁵³ «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. II, стр. 570 (1643 г.).

⁵⁴ Там же, стр. 447 (XV—XVI вв.).

⁵⁵ Многочисленные памятники Кирилло-Белозерского монастыря (по картотеке ДРС).

⁵⁶ «Полное собрание русских летописей». Изд. 2, т. IV, вып. 1. Пг., 1915, стр. 495; «Материалы по истории народов СССР», вып. 1. Л., 1930, стр. 165; «Сборник архива Министерства юстиции», т. 5. М., 1913, стр. 103.

⁵⁷ Приходо-расходные книги московских приказов. — РИБ, т. 28, стр. 130; Уложение Алексея Михайловича 1649 г. и другие памятники; см. также: О. В. Горшкова. Язык московских грамот XIV—XV вв. (лексика и фразеология). Канд. дисс. (Рукопись). М., 1951, стр. 123, 140.

диалектного материала XIX—XX вв. показывают широкое распространение термина *ез* в средне- и севернорусских говорах (преимущественно восточной их части), а также и в южнорусских говорах. Показательно, что в богатой картотеке Псковского областного словаря ЛГУ имеются лишь единичные примеры на употребление слова *ез* на юге Псковской области (Невельский р-н). У В. Даля приведено с пометами «сев.» и «вост.»

Термин *заез* в памятниках не зафиксирован, *заезок* находим в важской грамоте 1631—1632 гг.⁵⁸; ср. *заезки* на реках Сухоне⁵⁹ и Каме⁶⁰.

В тех случаях, когда происходит изменение в лексике в период, от которого имеется достаточное количество документов, удается датировать само это изменение и могущую здесь возникнуть изоглоссу. Пример довольно точно датируемой изоглоссы — противопоставление форм *ба́ня* — *ба́йна*, *ба́йня* (рис. 7). Слово *баня* в значении 'специальная постройка для мытья' употребляется в двинских и важских документах лишь с середины XVI в. Первая фиксация, по обследованным рукописям, — в купчей 1551 г.: «*баня земная*»⁶¹. До середины XVI в. в том же значении в двинских, поморских и пинежских документах употребляется слово *мыльня* (отмечены также формы *мыльна* и *мыльно*). Этот термин был широко распространен в XVI в., по крайней мере в северных районах рассматриваемой территории: имеется свыше 30 фиксаций из самых разнообразных по содержанию документов. Какое-то время слова *баня* и *мыльня* сосуществуют, соседствуя иногда в одном и том же тексте. Окончательно исчезает термин *мыльня* из документов, уступая место слову *баня*, к концу XVI в. Последний случай употребления в рассмотренных документах относится к 1586 г.⁶², в современных говорах слово *мыльня* не отмечено.

Форма *баня* для второй половины XVI и для XVII в. зафиксирована в громадном количестве текстов, относящихся ко всем территориальным группам, а форма *байна* — только в каргопольской купчей 1615 г.: «. . . и з *баиноу* что на улице стоит на пригоре»⁶³. Здесь выносные *и* на месте *й*, т. е. фонетически [*баино*]. По данным картотеки ДРС, форма *байна* отмечена в документах Онежского монастыря за 1670 и 1698 гг. Слова *байна* и *байня* встречаются также в Олонецких актах (1663 г.), актах Свирского монастыря (1651 г.), в ряде новгородских и белозерских памят-

⁵⁸ «Сборник грамот Коллегии экономии», т. II. Л., 1929, стр. 722.

⁵⁹ «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. II, стр. 570 (1643 г.).

⁶⁰ «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Дополнения», т. II. СПб., 1846, стр. 101 (1629—1639 гг.).

⁶¹ ГААО, ф. 57, оп. 2, т. 1, № 19—62.

⁶² ГААО, ф. 57, оп. 2, т. 1, № 47—100.

⁶³ ГААО, ф. 792, оп. 1, № 30.

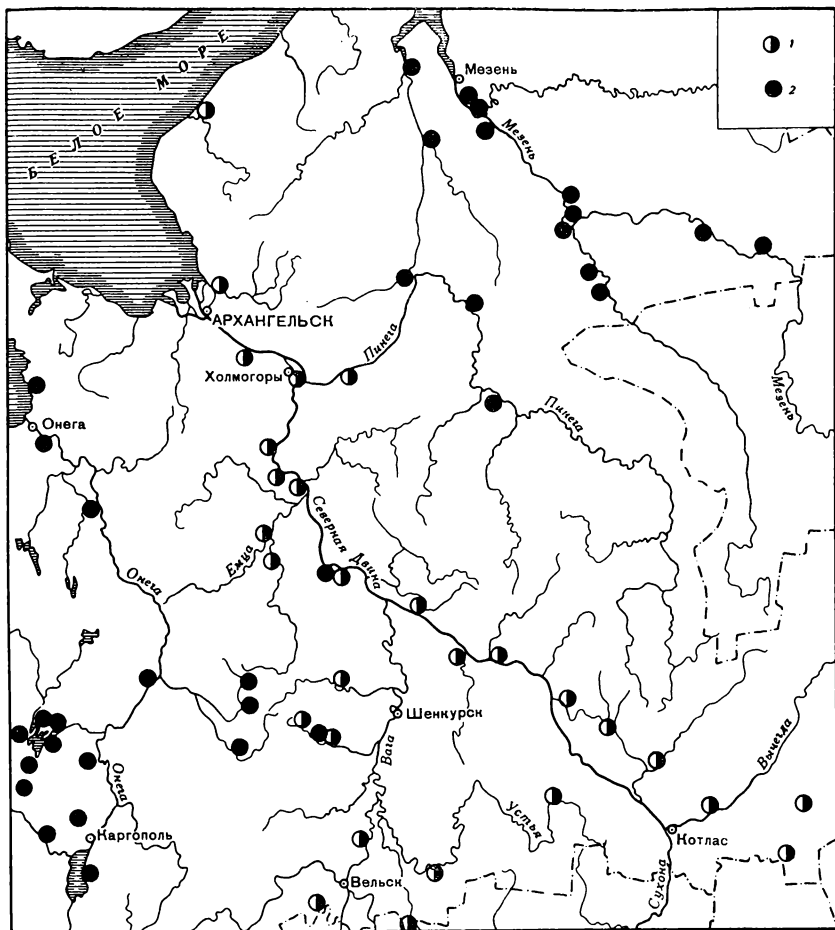

Рис. 7. Происхождение слова баня

1 — баня; 2 — байна, байня

ников XVII в.⁶⁴ В XIX—XX вв. они распространены в северо-западных областях России: в псковских, новгородских, олонечких говорах, отмечены в русских говорах Карелии, Кольского п-ова, Ленинградской обл.⁶⁵ Из районов, примыкающих к рассматриваемой территории с востока, известны в печорских гово-

⁶⁴ «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. II, стр. 13 (1669 г.), 386 (1612 г.), 398 (1622 г.); «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Дополнения», т. II, стр. 52 (1614 г.) и др.

⁶⁵ Картоотеки Словарного сектора ИРЯ АН СССР и Псковского областного словаря ЛГУ.

рах ⁶⁶. Таким образом, четкое территориальное противопоставление, наблюдаемое в пределах сравнительно ограниченной группы севернорусских говоров, может быть и в данном случае развернуто в пространственном отношении.

Необходимость сочетания историко-лексикологических и географических методов наглядно проявляется при рассмотрении поздних изменений в лексике. Здесь собственно семантический анализ и наблюдения над характером распространения слов взаимно дополняют друг друга.

Сравнение данных письменных памятников с материалами современных говоров показывает, что в группе названий построек и их частей происходят интенсивные изменения после XVII в., т. е. в период, когда не наблюдалось более или менее значительных перемещений населения на Севере. Вместе с тем поздние изменения в лексике сопровождаются появлением новых территориальных границ.

Слово *хоромы* относится к древнейшему лексическому слою говоров рассматриваемой территории. Об этом свидетельствуют, во-первых, многочисленные примеры из памятников, написанных в различных районах нашей территории и восходящих уже к XV в., во-вторых, широкое распространение слова *хоромы* в севернорусских говорах, входящих в зону древнейшей новгородской колонизации. Термин *хорóмы*, а также *хорóма* и *хорóмина* в значении 'дом, постройка' употребляется в псковских, новгородских, олонечких и вологодских говорах ⁶⁷.

В большей части обследованных документов слово *хоромы* имеет значение 'постройка, строение из одного сруба'. Примеры находим в двинских (XV—XVII вв.), пинежских (XVI—XVII вв.), каргопольских и соловецких (XVII в.) грамотах: «А дворъ досталса Семену григориевской вынести Семену из своисково двора *хоромы* свои всѣ опрочѣ двою избѣ» (Двина, XV в.) ⁶⁸; «А во дворе *хоромов*. изба. болшая с шелнушею да между избами стага» (Пинега, 1534 г.) ⁶⁹; «А во дворе *хоромъ* изба нова с прирубомъ и подле избу чулан новой да хлѣвъ да сельникъ наверху обое с перерубом да сарай исподней і верхней на столбах и тын кругомъ двор и с ворота» (Каргополь, 1635 г.) ⁷⁰. Термин *хоромы*, как показывают документы, обозначал и отдельно стоящие строения, и части появившейся на Севере довольно рано сложной постройки, связи из нескольких поставленных рядом срубов.

⁶⁶ Картотека Печорского словаря ЛГУ.

⁶⁷ Картотеки Словарного сектора ИРЯ АН СССР и Псковского областного словаря ЛГУ.

⁶⁸ И. М. Сибирицев и А. А. Шахматов. Еще несколько двинских грамот XV в. — «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 5, № 132.

⁶⁹ ГААО, ф. 1408, оп. 1, № 1-а.

⁷⁰ ГААО, ф. 792, оп. 1, № 69.

В том же значении употребляется в текстах и слово *хоромина*. В одном из соловецких документов ⁷¹ отмечено уничижительное образование — *хоромишко*. Встретились также прилагательные *хоромной* («*хоромной построй*») и *хороминной* («хороминной лес' предназначенный для построек'). Количество примеров на употребление слова *хоромы* и производных значительно (около 150 текстов), и документы равномерно распределены по всем территориальным группам.

Однако уже для XVI—XVII вв. можно отметить, что в важных грамотах термин *хоромы* применяется как правило только для обозначения хозяйственных построек. В целом ряде важных грамот понятие 'хозяйственное помещение, постройка', обозначаемое словом *хоромы*, противопоставлено понятию 'жилое помещение, постройка' (в приводимых ниже примерах — 'изба', 'изба с комнатою'): «Да в ызбе половина і во всех дворовых *хором*ах половина ж і в подворной семле і в вонных *хором*ах половина ж» ⁷²; «изба с комнатою . . . да *хоромъ* две клетки на хлеве» ⁷³.

В дальнейшем, после XVII в., произошло изменение семантики слова *хоромы*. В значении, близком тому, какое находим в памятниках письменности XVI—XVII вв., слово *хоромы* отмечено лишь в одном населенном пункте — дер. Никишинской Няндомского р-на (по картотеке Архангельского областного словаря). Здесь *хоромы* — 'дом вместе с хозяйственными постройками (как единое строение)'. Обычно в этом значении в говорах употребляется слово *хоромина*: «Триста *хоромин* згорело» (Никола Каргопольского р-на); «Три *хоромины* надо продавать. Как ты бес своей *хоромины* осталась?» (Верхопаденьга Шенкурского р-на); то же в Приозерном, Пинежском, Мезенском районах.

Новообразованием, причем явно поздним в архангельских говорах, является значение 'крыша' у слов *хоромы* (иногда *хорбма*) и *хорбмина*: «*Хоромы* на стропилах» (Першлахта Приозерного р-на); «*Хоромы* были не закрыли: лило, лило, всё згнило там, обрали всё. Старик на *хорбмах* жолобы перекладывал» (Зимняя Золотица Приморского р-на); «С *хорбм* пал и убился» (Тамица Онежского р-на); «Не захотели вместе под одну *хорбмину*» (Кеврола Пинежского р-на).

О позднем появлении у слов *хоромы* и *хоромина* значения 'крыша' свидетельствует, во-первых, ограниченный ареал этого явления: слово *хоромы* 'крыша' отмечено лишь в части архангельских и олонецких говоров (XIX—XX вв.) — каргопольских, онежских, холмогорских и пинежских ⁷⁴.

Во-вторых, следует учитывать наличие в памятниках термина *кровля* в качестве единственного слова, обозначающего понятие

⁷¹ ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 32, л. 25 об.

⁷² ГААО, ф. 829, оп. 1, № 1122 (1620 г.).

⁷³ Там же, № 906 (1670 г.).

⁷⁴ Подвысоцкий, стр. 184; Куликовский, стр. 129.

‘крыша’. Примеров на употребление этого слова во всех группах текстов XVI—XVII вв. очень много. Дифференцируются по семантике слова *хоромы* и *кровля* довольно легко: «А на *хоромы* нам в тѣ годы вново кровли прибавливати на кои будет надобно»⁷⁵; имеется много документов о продаже или постройке «хоромов с кровлями». Мнение Г. В. Шульца⁷⁶ о возможной древности олонецкого *хорѡмы* ‘крыша’ не подтверждается историей этого слова в севернорусских говорах, хотя с точки зрения семасиологической было бы соблазнительно указать здесь смысловой переход ‘крыша’ > ‘дом’, как в русск. *кров* и в лат. *tectum*.

Дальнейшая судьба термина *кровля* в разговорном языке жителей Севера связана была, по-видимому, с общерусским изменением, происходившим в XVIII в. По свидетельству Е. М. Иссерлин, со второй половины XVIII в. в русской письменности впервые появляется слово *крыша*, которое постепенно вытесняет употреблявшееся ранее слово *кровля*⁷⁷. Источником данного новообразования Е. М. Иссерлин считает народно-разговорный язык, в речи образованных слоев общества слово *крыша* из «простонародного» (эту помету дает словарь Академии 1814 г.) лишь постепенно становится нейтральным. Очевидно, в этот период, когда в разговорном языке центра России слово *кровля* было заменено словом *крыша*, в периферийных говорах, какими были говоры на территории современной Архангельской обл., появились местные варианты для обозначения соответствующей реалии.

Кроме терминов *хорѡмы*, *хорѡма*, *хорѡмина*, в части говоров области в значении ‘крыша’ употребляется слово *сарай*: «Не выводили трубы на *сарай-то*, нынь-то трубы на *сарай* фсѣ. Дожжѣ-то нет, а вѣ уш пот *сарай* забрались» (Верхопаденьга Шенкурского р-на). На позднее появление этого значения у слова *сарай* также указывает весьма ограниченный ареал данного явления и история слова, прослеживаемая по памятникам письменности. В XIX в. слово *сарай* ‘крыша’ отмечено лишь в сольвычегодских, шенкурских, печорских и колымских говорах⁷⁸. Распространение диалектных слов, имеющих значение ‘крыша’, в говорах Архангельской обл. показано на рис. 8. Интересны устанавливаемые здесь связи говоров юга области (важских и двинских) с мезенскими (и далее — печорскими) говорами в обход

⁷⁵ ГААО, ф. 829, оп. 1, № 942.

⁷⁶ Georg Viktor Schulz. Studien zum Wortschatz der russischen Zimmerleute und Bautischler. Osteuropa-Institut an der freien Universität Berlin. — «Slavistische Veröffentlichungen», Bd 30. Berlin, 1964, стр. 206.

⁷⁷ Е. М. И с с е р л и н. Когда и как появилась «крыша»? — «Очерки истории языка». Уч. зап. ЛГУ, № 267, Серия филол. наук, вып. 52. Л., 1960, стр. 223—230.

⁷⁸ Картотека Словарного сектора ИРЯ АН СССР; П. С. Е ф и м е н к о. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. — «Известия общества любителей естествознания», т. XXX, вып. 1. М., 1877, стр. 38 (сведения из Усть-Пуи Шенкурского уезда).

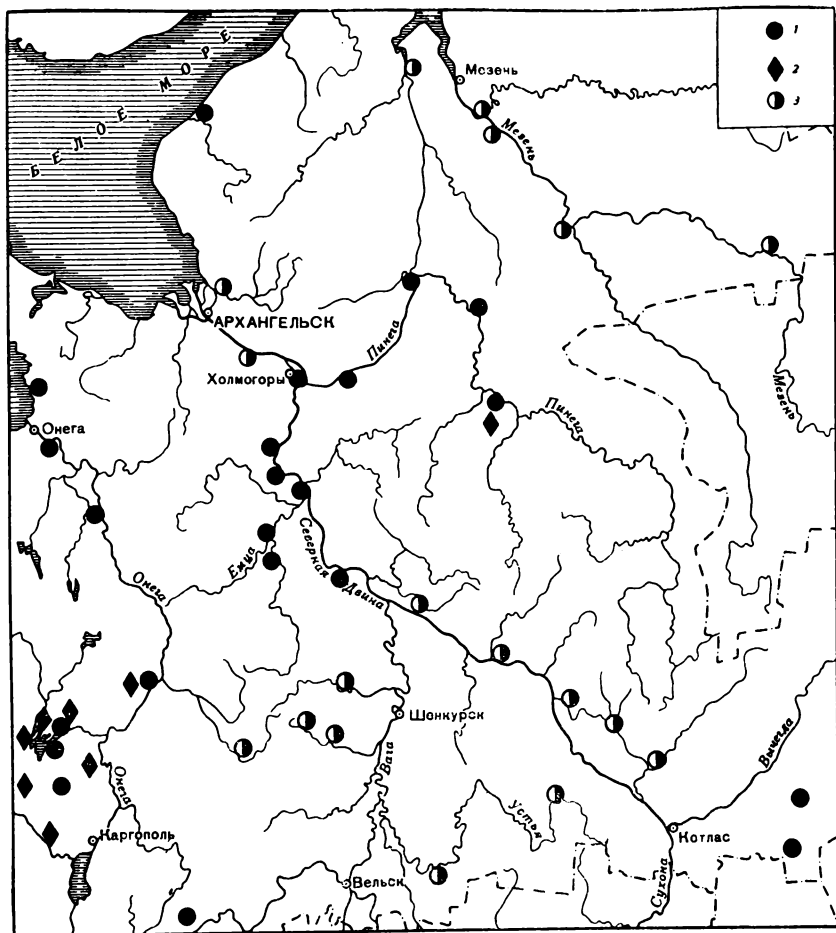

Рис. 8. Диалектные названия крыши

1 — хоромы (хорома); 2 — хоромина; 3 — сарай

пинежских. Такой характер географического распространения свойствен ряду поздних новообразований и устанавливается, по-видимому, не ранее XVIII в., в то время как более ранние изогlossы имеют другую конфигурацию: они обычно не разъединяют говоры пинежские и мезенские. Однако сохраняется на этой карте линия Онега—Емца—Двина от устья Емцы до устья Пинеги—Пинега, прослеживаемая и на других картах, представляющих изогlossы более ранней формации (см. рис. 3, 5, 6).

В значительной части современных говоров, главным образом на Онеге (см. рис. 9), слово *сарай* сохраняется в том значении, в каком оно употреблялось в памятниках письменности

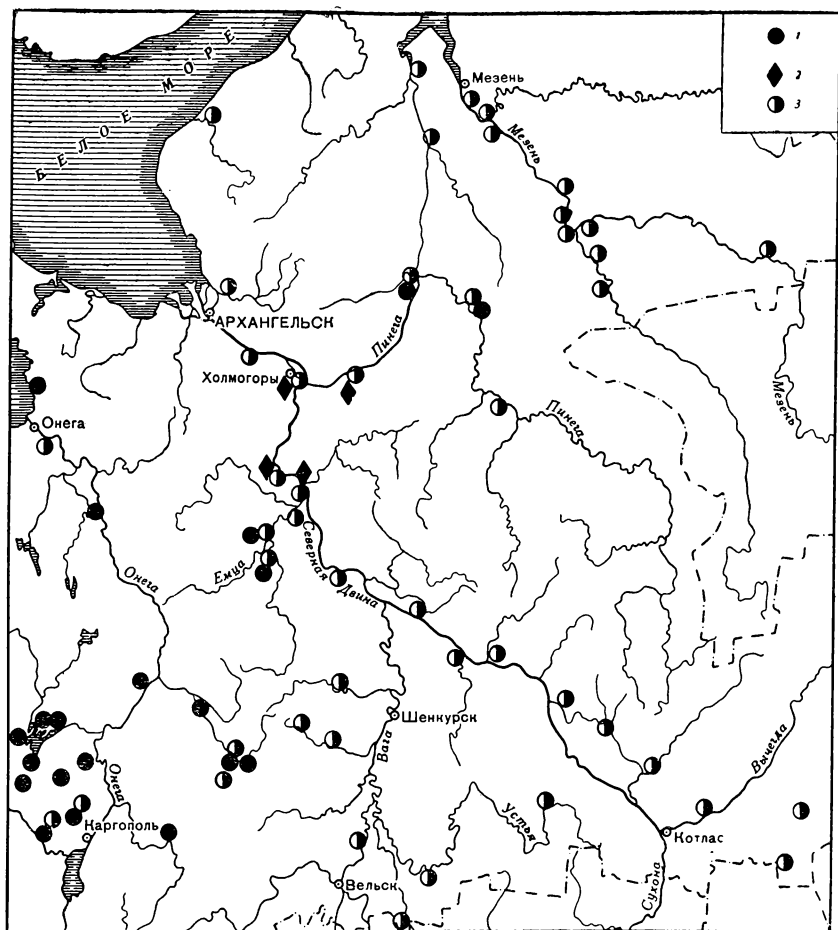

Рис. 9.

1 — сарай¹ 'помещение в хозяйственной пристройке к дому, над двором'; 2 — сарай² 'хозяйственная пристройка к дому, состоящая из двора и помещения над ним'; 3 — по-
веть то же, что сарай¹

XVI—XVII вв.: 'помещение в хозяйственной пристройке к дому, предназначенное для хранения кормов и инвентаря'. «Раньше ф сєнїх или ф сараях фсє клїли одєжу» (Нокола Каргопольского р-на); «Если сарай на столбах, говорят: сарай срублен» (Лекшм-озеро Каргопольского р-на); «На сарай уволокўт, там и спїм» (Першлахта Приозерного р-на). В XVI—XVII вв. термин сарай в этом значении распространен повсеместно в пределах рассматриваемой территории: «А хором во дворе горница на подклїте . . . клїт на подклїте. сїни с подсїнем. сараи рубленои на столбах.

хлѣв. да посаде двора банд» (Архангельск, 1606 г.)⁷⁹; «К тои же избѣ поставить двор на столбах в длину пяти сажень а поперег четырех сажень і сабрать заплоты і поверху нарубить сараи і покрыть тесомъ новымъ добрым на два ската» (Архангельск, 1687 г.)⁸⁰; «И подле избу чюланъ новои да хлев да сеникиъ наверху обое с перерубом да сараи исподней і верхной на столбах» (Каргополь, 1635 г.)⁸¹. Ср. также уменьшительное: «. . .здѣлат сараецъ новои надворомъ на столбах и покрыть дертьемъ новымъ в желобы новые ж» (Вага, 1647 г.)⁸². В составленном в Холмогорах словаре Ричарда Джемса: «sārai, the long place in the Rus. yard — длинное помещение на русском дворе — сарай»⁸³.

В этом или близком значении слово сарай употребляется в значительной части русских говоров, входящих в зону распространения севернорусского дома-двора и примыкающих к рассматриваемой территории с запада и юго-запада⁸⁴.

В современных важских, двинских, пинежских и мезенских говорах, т. е. в основном там, где сарай — 'крыша', в значении 'помещение в хозяйственной пристройке к дому для хранения кормов и инвентаря' употребляется широко распространенное в восточнославянской языковой области слово *повѣть*. В этом же значении оно известно вологодским, ярославским, пермским, тверским говорам, в других восточнославянских говорах обычно *поветь* 'навес', 'сарай', 'дровник'⁸⁵. На территории Архангельской обл. слово *повѣть* представляет, по-видимому, старую изоглоссу: оно редко встречается в современных говорах бассейна Онеги (см. рис. 9) и не отмечено в памятниках, написанных в этих районах, распространено повсеместно в центре и на востоке области и документируется многочисленными двинскими и важскими грамотами XVI—XVII вв.

На протяжении XVII—XX вв. в большинстве говоров изменилось значение термина *поветь*. В памятниках XVI—XVII вв. это 'настил в хозяйственном помещении, в пристройке к дому (в сарае)': «А в тѣ срочные лѣта мнѣ Калине поставит въ их мнстрской двор сарай на столбах и с *повѣтью* все новое з заплоты и покрыт тесом»⁸⁶; «За дворомъ сараи на осми столбах забранъ

⁷⁹ ГААО, ф. 57, оп. 2, т. 1, № 61—131.

⁸⁰ Там же, № 263—341.

⁸¹ ГААО, ф. 792, оп. 1, № 69.

⁸² ГААО, ф. 829, оп. 1, № 917.

⁸³ Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619). Л., 1959, стр. 192.

⁸⁴ Картоteki Словарного сектора ИРЯ АН СССР и Псковского областного словаря ЛГУ.

⁸⁵ Картоteki Словарного сектора ИРЯ АН СССР и Брянского словаря ЛГУ им. А. И. Герцена; Даль III, стр. 154; Носович, стр. 434; Гринченко III, стр. 223.

⁸⁶ ГААО, ф. 57, оп. 2, т. 1, № 203—279 (1678 г.).

облымъ лѣсомъ три стѣны а в немъ *повѣть*»⁸⁷. То же соотношение значений терминов *сарай* и *поветь* в устюжских грамотах: «А приряду намъ половникомъ здѣлать въ той Спаской деревнѣ: *сарай* противъ избы додѣлать и покрыть новыми драницами весь доготова, и *повить* домостить, да другая *повить* намостить, а надто въ *повитью сарай* покрыть старыми драницами доготова»⁸⁸.

Из всех современных говоров области, в которых отмечены одновременно термины *сарай* и *поветь*, лишь в некоторых говорах Холмогорского р-на (см. рис. 9) они не являются абсолютными синонимами, так как здесь *сарай* — 'вся хозяйственная пристройка к дому (двор для скота и помещение над ним)'. В этих говорах сохраняется соотношение терминов *сарай* и *поветь*, близкое к тому, которое находим в памятниках XVI—XVII вв.

В рассмотренной группе терминов (*хоромы*, *хоромина*, *кровля*⁸⁹, *сарай*, *поветь*) произошли существенные изменения, затронувшие семантику каждого слова. Следствием этих изменений было, во-первых, полное или частичное перераспределение единиц внутри группы терминов, создание новых отношений между ними, во-вторых, появление новых территориальных противопоставлений. При этом своеобразии лексического состава того или иного говора обусловлено неравномерностью распространения отдельных слов в языковом пространстве: «каждая языковая форма имеет свою собственную границу и свою собственную историю»⁹⁰.

⁸⁷ ГААО, ф. 56, оп. 3, № 17 (1651 г.).

⁸⁸ РИБ, т. 12, стб. 368 (1662 г.).

⁸⁹ В значительной части современных говоров Архангельской обл. слово *крбеля* (и уменьшительное *крбелька*) употребляется в значении 'крышка', ср.: «Продан горшечик мѣдной с *кровелкою*». — ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 41, л. 18 (Соловки, 1640 г.).

⁹⁰ W. P e s s l e r. Deutsche Wortgeographie. — «Wörter und Sachen», Bd XV. Heidelberg, 1933, стр. 12.